

Казачья эмиграция.

В Париже.

10 мая в Париже состоялось публичное собрание "Общества ревнителей Казачества", на котором Ш. Н. Балинов сделал доклад на тему "Чем было Казачество?". Председатель правления Общества, Е. М. Якименко, открывая собрание, сделал маленькое информационное сообщение о жизни Общества, о том, что эта организация, благодаря энергии секретаря правления, А. И. Скобелина, уже зарегистрирована и утверждена французскими властями и Общество существует совершенно официально, на законном основании, и несмотря на то, что наша организация недавно зародилась, она успела уже устроить несколько открытых собраний, на которых читались доклады и рефераты на исторические темы.

Затем слово предоставляется докладчику. Ш. Н. Балинов, в своем изобилующем фактическими данными, живом и интересном докладе нарисовал яркую картину исторического прошлого Казачества.*)

Многочисленная аудитория в течении двух часов с глубоким интересом и напряженным вниманием слушала докладчика. Было чуть ли не первое хорошее майское воскресенье в Париже и устроители собрания вначале высказывали опасение — в такую погоду и за тысячу франков не заманишь казаков на собрание. Тем более что почти рядом устраивалось публичное собрание и "Лигой Возрождения Казачества". Но опасение это не оправдалось, казаков собралось много.

После доклада состоялась прения. Первым говорит казак Астраханского войска, Киктев, который говорит "не от имени Дона, Кубани, Терека, а от шумной Волги, от имени войска Астраханского, хотя меня никто и не уполномочивал на это. Докладчик очень хорошо осветил казачье прошлое и за это его нужно благодарить. Но нам говорили только о прошлом, которое все мы, казаки, хорошо знаем, ибо все это с молоком матери всосали, а чего мы жаждем сейчас? Нам нужно не прошлое, а будущее. Я сюда прихожу услышать не то, что было в прошлом, как жили и что думали наши деды и прадеды, это мне давно моя бабушка рассказывала, а прихожу, чтобы услышать слова о том, что ждет нас в будущем, что готовят нам наши вожди. Нам может радовать прошлое, но нас сейчас интересует не прошлое, а будущее. Издается журнал. Говорят, что подготавливаем казаков. Цель — хорошая, но достигается ли она, доходит ли этот журнал туда, куда следует. Я лично сомневаюсь. Если нелегальным путем доходит на станцию один экземпляр журнала и там читается из под полы, то это ничего не значит. Надо что нибудь иное. Журнала одного недостаточно. Наши предводители должны сделать другое, но они этого не делают. Например, русские созвали Зар. С'езд. И мы, казаки, должны созвать свой Зар. С'езд. Для чего? Тогда услышит нас Европа, услышат большевики, всюду будут знать нас. Это будет началом большого дела. М. б., большевики в своих газетах искавят лик этого С'езда. Пусть! Существует казачье сердце, живы еще старые казаки и они поймут, что кроется под этим искаженным ликом С'езда, поймут, что есть ячейка, не умерли еще казаки, поймут, что там делается. Отдельные Войска существовать не могут, надо объединенное Казачество. Мы на С'езде скажем: от Азова до Сибири! Большевики нам помогут. Пусть они называют нас бандитами, но казаки там поймут, что это за "бандиты". Казаки не охотно идут на собрания. Почему? Они жаждут реального дела, а не слова, жаждут С'езда, но из центра слышится разногласия, говорят, что там не желают С'езда. Когда будет С'езд — миллиарды о нас узнают, узнают, что Объединенное Казачество будет сильнее Франции. Тогда приблизится возможность вступить на родную почву, ибо нами заинтересуются иностранцы, а без их помощи мы ничего не сумеем сделать. Нам необходимо добиваться этого

*) От ред: сам доклад будет напечатан в следующем номере нашего журнала.

иностранного внимания, помощи. Надо стучаться во все двери. Надо ставить иностранцам прямо вопрос: помогите. Пойдем к французам и скажем — помогите. Наверное они скажут — нет. Тогда мы скажем: не хотите — не надо, пойдем к немцам, которые охотно помогут. Тогда и французы призадумаются. Надо стучаться, кричать, поднять бучу в Европе... Надо двигаться вперед, а не оглядываться назад...

— Якименко: Оппоненту, конечно, ответит докладчик. Я хочу лишь заметить, что упреки ст. Киктева против В. К., что оно только оглядывается назад и только пишет, а дела не делает — не соответствуют действительности, а потому и неуместны. Оно, обращая свое большое внимание на казачье прошлое, все время смотрит вперед, стремится вперед. Никто не может сказать, что работа о будущем не ведется...

— Казанцев: Я верю, что станичник Киктев искренно стремится вперед, желает, подняв бучу, привлечь к себе внимание иностранцев, добиться от них реальной помощи казачьему делу. Но кто пойдет на это? Франция? Что она может сделать? Пример — австро-немецкий аншлусс, против чего она ничего не может сделать. Современной высокой политикой руководят не идеи, а голый расчет и любящая благородная идея убивается под жестоким ударом "расчета" современной политики. Наши предки Рим спасли, а мы, с точки зрения политического расчета, гонимся только на жаркое... Я бывал во многих партиях: был у Красноя, у младороссов, у Маркова. Везде ничего нет. Мерзость и запустение... Наше, казаков, положение бесконечно тягостное, нет единства политического взгляда, разделились на бесконечное множество политических группировок. У нас остается только единственная возможность — попытаться объединиться на чисто экономических интересах... Несмотря на мои разочарования, я от души приветствую всякую хорошую идею и с этой точки зрения я приветствую и сегодняшней доклад. Но я розовых надежд не питаю. Без помощи иностранцев мы бессильны что либо сделать, а надеяться на Европу бесполезно...

— Чертков: Сегодня, без связи с докладом, говорили, что нужно стучаться во все иностранные двери, выбить их; созвать С'езд, поднять бучу. Но как мы можем созвать С'езд, не подготовив предварительно казачью массу? Киктев желает разбежаться, бухнуть в чужие двери, чтобы: или разбив ее, выйти на берег, или разбить себе лоб. Господа, мы уже много раз, не подготовившись, разбили лбом и разбили свой лоб, а в результате сидим тут. На ошибках своих надо учиться. Нам необходима хорошая предварительная подготовка, надо укреплять свои идейные позиции, чтобы второй раз, ударившись лбом, не разбить его...

— М. Колесов: О прошлом не надо говорить... Я с этим совершенно не согласен. К сожалению, не все мы знаем свою историю, а многие из тех, кто знает, по каким то своим соображениям, стараются извращать казачью историю, внушить ее казакам в превратном свете. Например, проф. Марков в своих статьях в "П. Н." говорит, что казачьи государственные образования создались только на основах февральской революции, как будто до февральской революции у казаков никаких "основ" не было. Это говорит профессор, да еще казак! Это сознательное извращение казачьей истории. Основы казачьей жизни уходят в глубокую древность, как сегодня так ярко представил нам докладчик, эти казачьи основы имеют свое начало чуть ли не со второго столетия. Утверждение проф. Маркова не выдерживает никакой критики, ибо за два года никак нельзя создать и укрепить основ государства. Проф. Марков назвал свою статью "Казачьи Думы", этим как бы выдает свою собственную мысль за общие казачьи думы. Свою мысль выдает за думы всех казаков. Он советует сговориться... С кем? С Миллером, Милоковым, Керенским? Кто и что они? Ничто! Он говорит, что казаки при царях жили хорошо, но Марков не знает этой казачьей жизни. Эту жизнь, насколько она была "хороша", знаем только мы, "сломавшие службу". Мар-

кову долго еще нужно „разжевывать рукав“... Нам надо внимательно изучать свое прошлое... Я, конечно, не против „стучания“. Надо стучаться, надо добиваться! Но надо свое будущее строить на своем прошлом... Мы — казаки не с февральской революции, мы — казаки с допотопных времен! Сейчас нет России, и не с кем сговариваться! Наша первейшая задача — вырвать свои Края из советского ада. Там соберется Казачий Круг и скажет: с кем сговариваться, жить ли ему с Россией или без нее. Сейчас всякие разговоры о России — пустая болтовня...

— Г л а д к о в: Я с большим вниманием и удовольствием выслушал интересный доклад г. Балинова, а также выступавших затем казаков, у которых были хорошие мысли, но не оформленные, если их оформить и привести в известную систему, то получилась бы интересная программа. Доклад Балинова составлен прекрасно, проникнут любовью к Казачеству, к его прошлому. Я решительно не согласен с теми, которые здесь говорили, что прошлое нам не нужно. Нет, нам, как воздух, необходимо наше прошлое, и таких докладов, как сегодняшних надо устраивать не раз и не два, а сотни раз повторять, ибо он в высокой степени поучителен и дает богатую пищу для размышления над собственной своей судьбой. Я только могу высказать свое сожаление, что докладчик подошел к вопросу с определенной политической тенденцией. Так подойди, он и подобрал нужные ему материалы, привел их в определенную систему и у него получилась стройная, связанная история совершенно оправдывающая его политическую позицию. Я думаю и сам докладчик этого отрицать не станет. Подойдет к этому вопросу другой — подберет уже другие, ему нужные материалы и получится другая казачья история. Историю за чистую монету нельзя принимать... Она никогда не повторится. Может ли Каз-во жить так, как жили наши предки?

У выступавшего здесь Киктева все качества казака с горячим сердцем. Но те методы, какие он предлагал, совершенно не возможны. Лоб свой разбить всегда успеем... Сейчас много партий: и „Лига Возрождения“ и „В. К.“ и еще другие. Каждая из них пожелает „стучаться“... С кем там будут говорить? Нет, прежде чем „стучаться“, казакам необходимо объединиться, надо на деловой почве организоваться, набраться сил, только тогда „стучаться“, только тогда с нами будут говорить. Казачество было сильно, когда не было партий, а когда появились партии, то оно стало бессильным. Надо стремиться к единению. Я с Балиновым расхожусь политически, но с удовольствием его слушаю. Полностью разделяю чисто историческую часть его доклада, я не могу согласиться с его политическими выводами. Если мы на экономической основе объединимся, то с ним можем найти и полное согласие, найти общий казачий язык. У него сейчас над „экономикой“ довлеет „политика“. Он сегодня своим прекрасным сопоставленным докладом разжигал казачье сердца, что, конечно, необходимо для политического работника... (голос с места: вы разожглись?)... Я и не угадал...

— Т р о ф и м о в: Хотел было говорить с начала, но в связи с выступлением станичника Гладкова, начал с конца. Гладков согласен с докладом, но вместе с тем он не согласен с концом доклада, потому что там „политика“. Вот если он с Балиновым сговорится на экономической почве, скажем, они создадут вместе какое нибудь стотысячное дело, то он и с концом доклада согласился бы. Так ли я выражаю мысль Гладкова? (голоса: правильно!) У него от доклада даже сердце разожглось, но с концом он не соглашается, потому что нет „экономической основы“. Правильна ли такая постановка вопроса на спокойном собрании казаков? На митинговых собраниях допустимы всякие политические приемы. Я, например, помню одно казачье собрание в 1917 году. Молодой казак с трибуны кричал: чем лучше старик меня молодого? Тем ли, что он сносил 40 штанов? Толпа закричала „браво!“ и — оратор достиг своей минутной цели. Но на собрании спокойных казаков такие приемы не допустимы.

Я понимаю чисто казачий порыв Киктева: стучаться, биться, разбивать себе лоб! Но я спрашиваю: как же вы будете проявлять свой порыв без знания своей

истории? Надо разобраться с условиями, фактами своей прошлой жизни, ясно уразуметь ее сущность. Я совершенно не согласен с тем, что мы все знаем свою историю. К несчастью, это не так. Кто из нас, присутствующих здесь, знает свою историю? Скажите откровенно. Почти никто! Ибо история — не роман. Ее изучать надо, а не читать. Подобные доклады надо устраивать не раз и не два, а тысячи раз. Для знания своей истории не только нужно уметь просто читать книгу, но надо уметь читать историю. Прежде чем говорить о будущем, надо познать себя, выяснить — кто мы, казаки, и чего мы хотим. Для познания самого себя надо уметь понимать смысл исторических фактов. Например, все мы знаем: „да здравствует царь на Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону“. Как его толковать? Многие толкуют так, что этим наши предки выразили свою верность Москве: ты, мол, наш царь, царствуй на Москве, а мы, казаки, твои слуги, будем жить на Дону и охранять твоё царство. А я, например, понимаю совершенно иначе: живи ты, русский царь в Москве, а мы, казаки, будем жить на Дону, как мы сами желаем. Другой ближайший пример, Краснов. Прекрасное знание казаков, организационный талант. Воскрешая в казачьем сознании казачье прошлое, взывая к казакам о воскрешении старинной казачьей вольности, нашел широкий отклик у казаков, из ничего создал прекрасное здание донского государства. Потом все развалилось. Почему? Потому что он затем подчинил казачье московскому; вместо захватывающей казачье сердце красивой песни о старинных казачьих вольностях стал петь песню о „Златоглавой Москве!“ Изменил казачью историю! Нам надо осознать самих себя и на знании ее строить свое будущее, не изменяя ей. Конечно, история точно не повторяется. Но не повторяются только факты истории...

— Г л а д к о в дает объяснение по личному вопросу. Его неправильно поняли. Он не говорил, что, если у Балинова будут деньги, то он, Гладков, с ним может сговориться. Он категорически возражает против такого понимания его мысли. Он говорил лишь о широком объединении казаков на чисто экономических началах...

— К а з а н к о в выражает свое сожаление, что он вместо единения видит только спор. Говорит о биологических законах, согласна которых — выживают только сильные, приспособившиеся к жизни. С этой точки зрения самостоятельное течение более всех других течений может надеяться на приспособление. Ссылками на русскую историю, разбирая „структуру России“, он приходит к выводу, что она не сумела приспособиться к жизни и умерла. Грузия, Польша, которые знают цену жизни, уяснили смысл борьбы за существование в конце концов ожили, воскресли. Остались мы, казаки, тоже мало к жизни приспособленные. Если мы не приспособимся к жизни, то также легко умрем, как умирали другие...

Председатель собрания предоставляет слово докладчику для заключительного слова.

— Б а л и н о в: Мне, в качестве докладчика, почти ничего не остается говорить, ибо выступавшие здесь мало говорили по существу сегодняшнего доклада, а те, которые говорили по существу доклада, не возражали, а только дополнили. Я только возражаю против той мысли, что все мы хорошо знаем свою историю, что нам не нужно прошлое, а только будущее. К сожалению это не так. Мы не знаем своей истории. Как раз сегодня говорил Гладков об отсутствии у нас единства, о существовании многих политических группировок. По моему, объясняется это тем, что мы не знаем своей истории, а в силу этого незнания — нет у нас единого взгляда по самому основному, коренному — на свою собственную природу, казачью сущность. Возьмите украинцев. У них имеются все политические партии — от крайне правой до крайне левой, но у них в разнообразии — полное единство: украинцы — отдельный народ, имеющий неоспоримое право на самостоятельное государственное бытие. У них полное единство в самом основном, коренном. У всех у них единая цель, но к этой единой цели идут различными путями. Вот как раз имея ввиду это малое знание своей истории, я и согласился на предложение правления Общества сделать доклад на историческую тему, хотя я ясно

сознавал, что это с моей стороны — большая дерзость. Надо настолько хорошо знать свою историю, настолько хорошо укрепить свое казачье сознание, закалить свою волю, утвердить свою веру в правоту своего дела, чтобы никакой искусственный профессор не мог вселить в вашу душу никакие сомнения, колебания. Казакам нужно быть подкованными на все четыре ноги, а эту подкованность даст только знание истории. Сейчас, если так можно выразиться, мир для нас, казаков, представляет из себя как бы безграничную ледяную поверхность, на которой мы не можем устоять и уцепиться. Когда мы „подкуемся“, тогда можем уцепиться и удержаться и на этой ледяной поверхности. Само собою разумеется, „стучаться“ необходимо, но для того, чтобы наш „стук“ могли услышать иностранцы, надо чтобы „стук“ наш хорошо подпирался. Украинцы, грузины и т. д., имевшие предварительную подготовку, продолжавшуюся десятками лет, теперь „стучатся“ и их „стук“ слышит мир; они имеют вход в международные органы, всюду имеют своих защитников. К несчастью, у казаков этого еще нет. Когда три года тому назад В. К. подняло казачье Знамя, перед ним была ровная водная поверхность. От брошенного им „идейного камня“ на этой ровной поверхности пошли водяные круги и они все больше и больше распространяются, захватывая все более широкие пространства.

Я сегодня совсем не затрагивал актуального, большого вопроса: что делать и как достигнуть своей цели? Я только говорил о казачьем прошлом, чтобы уяснить казачью сущность. Если время и обстоятельства позволят, об этом поговорим в другой раз. Никто никому не может посылать упрека здесь, в этом зале. Ибо все одинаково ответственны в том, что у нас многое не сделано. На каждом из нас лежит совершенно одинаковый долг перед Казачеством. Каждый из нас обязан делать все, что в его силах...

У нас были вожди, которые обязаны были указывать нам ясную политическую дорогу, вести к цели, которая ясно и определенно указана Войсковыми Кругами и Радой, но они изменили Казачьей Конституции, нарушили свою клятву-присягу и пошли по иной политической дороге. Теперь приходится самим казакам, не обращая внимания на поведение своих б. вождей, попытаться найти самих себя, организовать и пойти по Казачьей Дороге. Здесь не место нам друг друга упрекать, а нужно попытаться общими усилиями сделать что то.

Все за одного и один за всех! Дружным и единым фронтом вперед — к единой и основной цели — к освобождению страдающего Казачества, к созданию самостоятельного казачьего государства — Вольного Казачества „по древнему казачьему обыкновению“, „как жили наши предки“!

Собрание шумно выражает свое удовлетворение докладчику, настойчиво просит сделать следующие доклады на намеченные темы: „Чем стало Казачество“ и „Чем должно стать Казачество“?

Выражают пожелания, чтобы докладчик настоящий свой доклад попытался издать отдельной брошюрой, ибо в нем в краткой и ясной, легкой и доступной для всех форме изложена вся долгая и героическая казачья история, отчетливо выявлена физическая и духовная сущность Казачества.

(Соб. кор.)

Письмо из Парагвая.

Ниже мы помещаем письмо наших соотечественников, б. атамана ст. Пашковской А. М. Лысенка и доктора Е. Я. Тимченка, казака ст. Григориполисской, — имеющее несомненный интерес для всей казачьей эмиграции.

Глубокоуважаемый г-н редактор.

Прежде всего позвольте благодарить Вас за посылку в Перу журнала „Вільне Козацтво“ и „Календаря на 1930 г.“ Нам не пришлось там остановиться, ибо самым главным бичем для нас там были дожди, а затем дорога — 180 километр. от жел. дороги. Поэтому наша колония постепенно таяла и к концу года резьехали

все, кто куда пожелал. Много шумихи было с колонией ген. Павличенка, а наша покойно молчала. С сентября прошлого года я и Г. И. Байков (б. дир. реалн. учил. в ст. Михайловской) выехали из Перу через Боливию в Аргентину, где в гор. Розарио (полмиллиона населения) провели 4 месяца, изучая страну и возможности сесть на землю. Оказалось, однако, что земля здесь искусственно поднята в цене капиталистами, купить трудно, а правительственная земля Хако и Формоза не для нас: нет воды хорошей, москиты и саранча. В марте 1931 г. мы переехали в Мисионес, где земли не оказалось, но работать можно. Там много галичан и волынцев, но дорога — 140 км. от гор. Пасадоса — поглощает стоимость продуктов. Тогда мы переехали в Парагвай, в гор. Енкарнасион, на границе с Аргентиной. По реке Парана, шириною около 1 км., ходят пароходы от Буенос-Айреса (хорошее сообщение с Европой).

В Енкарнасионе мы встретили нашего кубанца, ст. Григориполисской, доктора Е. Я. Тимченка. Он рассказал нам, что объездил весь Парагвай в лучшего места, как департамент Енкарнасион, для поселения казаков не найти. Тогда я объехал округность его на 35 верст, побывал в 2-х колониях, по 30—40 дворов в каждой. Галичане и волынцы довольны всем. Родит все, что у нас на Кубани, даже овес, ячмень, пшеница и виноград да еще табак, рис, лимоны и апельсины. Водятся птицы всякая, свиньи, скот. Земля красная, но плодородная. Много ручьев, вода сладкая, растет хороший строевой лес, можно пилить доски. Сосны и ели нет. Есть поляны по 50—100 гектаров, где можно выпасывать скот.

Возвратившись в город, мы с доктором решили просить у правительства землю для поселения казаков, русских и украинцев, образовывая свои станицы. Правительство охотно разрешило, дало нам бумагу поселить казаков на земли, образовывая станицы, с церковью, священниками, школой и пр., и вокруг станицы участки по 20 гект. на семью, а одиноким — по 10 га.

Земля в 15—20 км. от гор. Енкарнасиона, дорога хорошая, можно ехать подводой и даже автомобилем. Я теперь собираю сюда всех казаков, которые были в нашей группе в Перу, и записываем желающих галичан сесть с нами на землю. Поселившиеся уже 5 лет назад галичане и волынцы, до 40 семей, просят и их присоединить к станице. Живут на хуторах, но у них есть дети, и им станица нужна.

Жители Парагвая хорошо относятся к нам. Много девушек желают выйти и замуж, но они не подходят, а лучше ехать сюда с женами из Европы.

Описав Вам все, мы просим Вас напечатать об этом в журнале „В. К.“. Желающие ехать сюда пусть записываются у Вас, собирают группы по 5—10 чел. и едут прямо к нам в Парагвай. Жалательно, чтобы вы там возбудили ходатайство перед Лигой Наций о переволке тех, кто не имеет своих средств, за ее счет с условием погашения по истечении года.

Правительство дает землю бесплатно, но перевозить за свой счет, давать средства на жизнь и инструменты оно не может за бедностью. Для обработки земли на первое время надо: топор, пила, лопата, мотыга (вид нашей шашки — рубить мелкие деревья), тяпка, фонарь, посуда для кухни. На все нужно 200—300 пез аргентинских.

Поселенцы начинают обыкновенно с того, что рубят лес, через месяц он уже сухой, его сжигают; сорной травы под лесом обыкновенно не бывает. Сейчас же после этого колом проделывают в земле дыры и сеют кукурузу и маниоку (вид нашего картофеля), которая заменяет даже хлеб. Кукурузу уже через три месяца можно есть свою, а картофель — через 5—6 мес. Кукуруза и маниока имеются в изобилии у местных жителей, можно покупать очень дешево. Можно покупать свиней, сало, кур. Можно подрабатывать немного денег на еду. Кукуруза родит два раза в год: ее можно сеять в конце августа, в сентябре и второй раз — в декабре — январе. Лук, чеснок, бурак, капусту сеют в апреле — мае — на зиму. Здесь лето, когда в Европе зима, и наоборот. В августе бывают даже заморозки. Ночи вообще свежие. Днем тепло до 20—22 гр. Вечно зеленые деревья. Москитов и зверей почти нет. Столица Парагвая Асунсион уже хуже по климату — жар-